

ПРОГРАММА ОБНОВЛЕНИЯ ИСКУССТВА В ДРАМЕ Л. Я. ГУРЕВИЧ “СМЕНА”

Гулич Е. А.

Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды

Вивчення літературної спадщини Л. Я. Гуревич в історико-літературному контексті кінця XIX – початку XX ст. здатне заповнити суттєву прогалину в історії російської літератури того часу, пов'язану з несимволістськими формами літературної творчості. В єдиній п'єсі Л. Я. Гуревич, яка незаслужено залишилася поза увагою дослідників, відтворюється атмосфера літературного життя початку XX ст. У драмі авторка торкається питань оновлення літератури та мистецтва. Персонажі п'єси багато в чому є виразниками її позицій. Вивчення п'єси “Зміна” дозволяє визначити своєрідність літературних та естетичних поглядів Л. Я. Гуревич, творчість якої, безумовно, вплинула на розвиток естетичної думки Росії початку XX ст.

Ключові слова: драма для читання, семантика заголовка, белетристика, літературні та естетичні позиції.

The study of the literary heritage of L. Y. Gurevich in the historical and literary context of the late XIX – early XX centuries is able to fill an important gap in the history of Russian literature of that time associated with traditional forms of literary creation. In a single play of L. Y. Gurevich, unjustly remaining outside the field of view of researchers, the atmosphere of the literary life of the early twentieth century is recreated. In the play, the author raises issues of updating the art. The characters of the play in many ways are the spokesmen of the author's position. The study of the play “A New Generation” allows us to define the uniqueness of the literary and aesthetic positions of L.Y. Gurevich, whose work certainly influenced the development of aesthetic thought at the beginning of the twentieth century in Russia.

Key words: drama for reading, semantics titles, fiction, literary and aesthetic positions.

Творческая деятельность Л. Я. Гуревич была заметным и важным явлением литературы рубежа эпох. Редактор одного из самых популярных журналов конца XIX в. “Северный вестник”, собеседница и помощник А. Л. Волынского, отчаянный публикатор наиболее сенсационных произведений русского символизма, она видела себя писателем, принадлежащим к традиционной реалистической школе. Это отразилось в ее историко-литературных, литературно-критических статьях и в беллетристике. Монографическое изучение литературного наследия Л. Я. Гуревич в историко-литературном контексте рубежа веков способно восполнить существенный пробел в истории русской литературы той поры, связанный с несимволистскими формами литературного творчества, судьбой поздненароднической эстетики в новой социокультурной ситуации. Несмотря на то, что в последнее время литературно-критическое наследие Л. Я. Гуревич все чаще привлекает внимание исследователей, а имя занимает достойное место в современных литературных справочниках, ее роль в литературном процессе конца XIX – начала XX вв. практически не освещена.

Перу Л. Я. Гуревич принадлежит драма “Смена”, единственная в ее творческом наследии. Драма не получила сценического воплощения, произведения подобного плана современники называли “драмами для чтения”. Однако анализ пьесы позволяет раскрыть еще одну грань творчества Л. Я. Гуревич и определить своеобразие литературных и эстетических позиций автора.

В пьесе две сюжетные линии: любовная и социальная. Автор впервые попыталась объединить тему женской любви, которой было пронизано все ее беллетристическое творчество, и тему социальную, затрагивающую роль литературы и искусства в современном обществе, которой впоследствии Гуревич-критик посвятила не одну критическую статью. Такой подход

к созданию пьес исповедовал еще молодой Д. С. Мережковский, ранняя пьеса которого “Гроза прошла” (1893) была посвящена проблеме становления нового искусства, рассмотренной сквозь любовную интригу. Причем в действующих лицах современники угадывали их прототипы. О проблематике пьесы и ее связи с социокультурной ситуацией той поры уже говорилось [1; 5]. Первой попыткой Л. Я. Гуревич вступить в полемику о роли литературы и искусства своего времени стал именно ее драматургический дебют. Пьеса была опубликована в 1907 г. в московском журнале “Русская Мысль”. Примечательно, что в этом году журнал перешёл в руки П. Б. Струве и А. А. Кизеветтера, поменял курс, приобрел новых авторов и стал интеллектуальным центром русской либерально-демократической журналистики. Спустя несколько лет именно Л. Я. Гуревич возглавила литературно-критический и беллетристический отделы “Русской Мысли”, сменив на посту редактора В. Я. Брюсова, именно в этом журнале опубликованы ее наиболее яркие критические статьи. Но сотрудничество с П. Б. Струве и с “Русской Мыслью” для Л. Я. Гуревич началось с пьесы “Смена”.

Обращение Л. Я. Гуревич к драматургии не было случайным. Она любила театр и придавала ему огромное значение. В период 1904 – 1913 гг. ею опубликовано множество статей о театре и искусстве в “Сыне Отечества”, “Нашей Жизни”, “Товарище”, “Слове”, “Речи”, “Русских ведомостях”, “Русской Молве”, “Запросах Жизни”. В “Слове” и “Русской Молве” Л. Я. Гуревич заведовала театральным отделом. Поэтому попытка реализовать себя в данном литературном роде выглядела вполне закономерно. В биографиях Л. Я. Гуревич обычно отмечается, что именно в 1907 г. она познакомилась и сблизилась с А. Блоком и, на наш взгляд, этот факт тоже оказал влияние на стремление писательницы попробовать себя в роли драматурга.

Драма состоит из 4 действий, в которых изображены события, напоминающие мир петербургских литераторов начала XX в., их быт, нравы, литературные споры. Основная идея пьесы нашла отражение в семантике ее названия. “Смена” – именно так хотели озаглавить свой новый журнал главные действующие лица драмы. Один из них произносит символические слова: “Все меняется, уплывает. Ничего не стоит на месте... – и не должно стоять” [7, с. 136]. Вероятно, свою главную задачу автор пьесы видела в том, чтобы показать необходимость и неизбежность смены поколений в литературе порубежного периода.

В пьесе нашли отражение события действительности, у действующих лиц есть прототипы. Вероятно, в основу сюжета положена история журнала “Северный вестник”, в котором принимали деятельное участие Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынский. Главная героиня, Вера Павловна Карнович – известная переводчица, талантливая и популярная в литературных кругах, в которой угадывается сама Л. Я. Гуревич. На вопрос: “Отчего не пишете сами?” Вера Павловна отвечает: “Формы не могу найти. Говорят, женщинам форма трудно дается!” [7, с. 172]. Подобное признание можно найти и в автобиографических заметках Л. Я. Гуревич [6, с. 64]. Там же есть слова, подтверждающие ее неукротимое желание писать. Такое стремление есть и у главной героини пьесы: “Если бы вы знали, как мне хочется работать...” [7, с. 172]. На протяжении всей пьесы Вера Павловна Карнович, как нам представляется, выражает позицию самого автора. Так, например, из свидетельств современников известно, что Л. Я. Гуревич была талантливой переводчицей. Но, как и любую творческую личность, ее угнетало, что выбор переводимого произведения определялся степенью популярности автора у читателей, а стимулом к работе выступало тяжелое материальное положение. Вера Павловна высказывает нежелание заниматься переводами: “Это механическая работа: ведь книги-то, которые я перевожу в самый мозг мой, в самое существо мое входят, – туда, где слова рождаются... Я с этими писателями – с чужими мне людьми – в интимный союз вступаю, без любви, ради денег...” [7, с. 163]. В репликах героини Л. Я. Гуревич, по нашему мнению, передала свое отношение к переводческой деятельности. Саркастическая реплика Веры Павловны подчеркивает ее неудовлетворенность переводческой работой: “Удивительно лестно, когда хвалят за то, чего не делал и не писал!” [7, с. 139].

Прототипом второго центрального персонажа пьесы – беллетриста, помощника главного редактора одного из известных петербургских журналов Константина Сергеевича Исленьева стал Аким Волынский. Многолетние взаимоотношения Л. Я. Гуревич с А. Л. Волынским, думается, легли в основу сюжетной линии о любовной связи главных героев пьесы. Автор передала духовную близость и общность интересов главных героев, желание что-то изменить, принести пользу обществу. Это переросло в их совместное стремление организовать выпуск нового журнала. Вера Павловна настаивала на необходимости принципиально нового печатного органа: “Теперь особенно нужно, потому что души просыпаются... Безобразного, страшного кругом много, от этого страшного вдруг просыпаются люди и ждут, ищут и слушают... Доверчиво слушают, как дети...” [7, с. 140]. Вероятно, позиция героини близка взглядам автора пьесы: “Можно было бы другой журнал... на совсем других основаниях. Чтобы ничего не бояться, не думать о публике, т. е. об успехе. Чтобы все в нем было свободно” [7, с. 145]. Как уже отмечалось, возглавляя журнал “Северный вестник”, Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынский прилагали колоссальные усилия, чтобы преодолеть финансовые трудности, противостоять жесткой цензуре, переломить традиционные ожидания своих читателей. В реплике Веры Павловны нашли отклик те проблемы, с которыми сталкивались издатели журнала.

В одном из диалогов Исленьев также дает оценку современным периодическим изданиям: “Старые и богатые газеты не люблю!.. Есть, впрочем, из них и такие, которые так и рождаются старичками. А у других, малоденежных, свежих, на них печать преждевременной смерти. Эти и богатыми никогда не будут. Вот как люди...” [7, с. 145]. Здесь очевидна параллель со статьей Л. Я. Гуревич “Приближение кризиса” (1908), в которой автор критикует подбор материала в альманахах “Смерть”: “Сюда всякий снес что мог, лишь бы это не требовало затраты особенного труда и хоть в каком-либо отношении могло бы быть подведено под общую этикетку, играющую в данном случае одну только роль – роль броской рекламы для альманаха” [3, с. 86]. Исленьев жалуется, что в последнее время стало затруднительно отбирать что-либо значимое и достойное для печати. Среди рукописей на редакторском столе лежат статьи “Позитивные тенденции”, “Биологический индивид”, “Эмоциональные комплексы”, “Элиминирование специальных дисциплин”, “Логический дедуцированный идеал”, сами заглавия которых говорят о бессмысленности содержания, не отвечающего требованиям времени.

О новых, неприемлемых для нее тенденциях развития беллетристики Л. Я. Гуревич писала в названной статье: “Литература, оперирующая лишь посредством слов, всегда зыбких, текучих, всегда в известной мере отвлеченных, неизбежно придает своим созданиям характер призрачности и обобщенности. Литература, как и всякое искусство, стремясь сочетать всеобщее и конкретное и в разные эпохи своего существования давая преимущественное значение то всеобщему, то конкретному, может иногда до такой степени уклониться в сторону одной из этих тенденций, что уже утратит характер настоящего искусства” [3, с. 92]. Как отзвук на эти слова Л. Я. Гуревич звучит реплика Исленьева: “В статье “Об искусстве будущего” слова тоже как на подбор – все возвышенные: лицезрение, прозрение, откровение, просветление, искупление. И в заключение: “Искусство должно быть мистерией”. Хорошие как будто вещи. Но как начнет эта наша литературная братия кучками, кружками собираться да слова эти самые выкликать <...> Радение какое-то раскольничье выходит... Ничего я за этими словами не вижу” [7, с. 146]. В этом эпизоде ощутима аллюзия на деятельность Вяч. Иванова и выдвинутый им лозунг: “Поэзия должна быть вселенскою, младенческою, мифотворческою” [4, с. 156], который критиковала Л. Я. Гуревич: “...есть опасность в таких лозунгах в такое время, когда души человеческие не представляют почвы для такого призыва” [3, с. 87]. Л. Я. Гуревич опасалась, что подобные лозунги могли лишит литературу подлинного духовного смысла.

Исленьева возмущает, что редакторы и критики слишком легко признают в рядовых беллетристах гениальность: “...талант. Очень уж дешево у нас эти титулы раздаются... Вы только почитайте его повнимательнее. Ведь это из тех, у которых в каждой статейке либо что-нибудь

“красной нитью проходит”, либо “кто-нибудь умер на своем посту”, или “там высоко держит свое знамя”. Ох уж мне эти красные нити, знамена и посты... А то еще для окончания статейки так: “Света, больше света!” – сказал, умирая Гёте... Вы не пробовали статистику маленькую завести: сколько раз вам это самое “Света! Света!” в конце разных статей попадалось? Полное производство в литературе!” [7, с. 146]. Исленьев саркастически определяет природу возникновения таких псевдоталантов: “... пишет, пишет, ни от кого похвал себе не слышит, ну и вообразит себя непризнанным гением. Это мне напоминает изречение моей тетушки: “У вас, – говорит, – тут столько гениев, что, с позволения сказать, и плюнуть некуда, чтобы в гения не попасть” [7, с. 146].

С “производством” в литературе и искусстве Л. Я. Гуревич боролась и как редактор журнала, и как критик, и как театровед. Но в то же время придерживаясь мнения, что “талант зависит не столько от внешних, сколько от внутренних условий, не от бытовой, сколько от ближайшей психологической среды” [3, с. 105]. Одна из сцен пьесы напоминает этот тезис автора: перебирая материал, Исленьев наткнулся на рукопись с тривиальным названием “Сказка о царевне в лохмотьях”. Он вспомнил, что ее принесла некрасивая девушка в плохоньком пальтишке. “Трогательная вещь, – произносит редактор, – видно, что нежная благородная душа писала. И очень литературно” [7, с. 152]. Но редактор однозначно отклоняет рукопись из-за непопулярности сказочной тематики: “В наше-то время и сказка о царевне! Неровен час, публика это как-нибудь плохо истолкует! Посоветую в какой-нибудь из старых и почтенных журналов отнести: там они, по крайней мере, уж до такого равнодушия дошли к художеству, что не перебирают; пожалуй, как-нибудь, невзначай, и хорошее напечатают” [7, с. 152]. С таким случаями Л. Я. Гуревич сталкивалась в своей редакторской деятельности. Она писала: “...сотрудники новых журналов оказываются бессильными порвать с обычной психологией современности, с её грехами и пороками. И обещание редакции бороться со всяким посяганием на хороший вкус, со всяким выдуманном ощущением, со всяким фальшивым эффектом, тоже не выполняется, а кое в чём даже грубо нарушается” [3, с. 103].

В пьесе возникает и тема воспитания вкуса читательской аудитории. Когда Исленьев критикует шаблонность и непрофессионализм современных беллетристов, провинциальный чиновник Поздеев произносит: “Мы в провинции снисходительно смотрим: нам бы только правду напомнили! А выражений мы не замечаем...” [7, с. 145]. Впоследствии Л. Я. Гуревич в своих критических статьях неоднократно развивала мысль о взыскательном читателе и зрителе, воспитание вкуса которых, с ее точки зрения, являлось одной из главных задач литераторов и драматургов.

Обратим внимание на спор о неограниченной свободе искусства, который возник между литераторами. Одни, представители старшего поколения, стояли на том, что любая свобода должна быть ограничена законами. “Современные писатели хватают через край”, – произносит один из спорщиков. Бредихин, владелец крупного журнала уточняет: “Что публика прощает знаменитости, то в молодом, начинающем писателе... Словом, что можно действительному статскому советнику, титулярному нельзя!” [7, с. 147]. Исленьева возмущает “это применение табели о рангах к вопросам искусства! Искусство имеет дело с тем, что живет, ну и значит, новую жизнь рождает... И тут края и через края быть не может! Умеете рожать вещи... сделайте одолжение! Все, что угодно! Только до конца! До самой сути! Талант на это надо иметь! Человек хочет разворотить все в самом себе, всю душу, до самых недр, до преисподней!.. Ищет!.. Мало ему этого вот всего, что кругом! А вы думаете, – это так просто!..” [7, с. 164]. Думается, эта реплика выражает позицию автора пьесы, считавшей одним из основных критериев истинной литературы искренность автора.

Прототипом Феденьки Сабурова, на наш взгляд, был Федор Сологуб, с которым Л. Я. Гуревич связывало сотрудничество в журнале. Подтверждением этому служит, во-первых, описание молодого человека: “Поэт, молодой человек, очень болезненный; жидкие волосы с плешью,

жидкая бородака” [7, с. 137]. Оно имеет сходство с описанием Ф. Сологуба, сделанным З. Н. Гиппиус: “Бледно-рыжеватый. Прямая, не вьющаяся борода, такие же бледные, падающие усы, со лба лысина” [2, с. 252]. Во-вторых, в ремарку вводится характеристика действующего лица, сходная с тем, что говорили и писали о Ф. Сологубе современники: “Сабуров – молодой поэт. Впрочем, хоть в самом деле немножко уже чересчур... идейный! А ведь не без дарования!” [7, с. 144]. Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынский были первыми, кто рассмотрели в Ф. Сологубе талант, но позже они разошлись с ним по идейным соображениям. В пьесе Исленьев говорит о нем: “Милый паренёк. Расхлябанный, куда же он годен, – но милый: невинный какой-то. Выкладывал мне свой новый символ веры. Он ведь у нас уж декадент: здоровье, силу, проповедует. Это у него называется – возрождение античного духа” [7, с. 192]. Именно “Северный вестник” впервые охарактеризовал Ф. Сологуба как декадента, причем с негативной коннотацией. Но в пьесе Феденька Сабуров символизирует молодое поколение поэтов, которое шагком стоит на ногах и подвержено любому влиянию.

Ключевым в пьесе является монолог Исленьева о путях развития литературы: “Мучится, мучится человечество и так, и этак. Чего только в нем ни накопело!.. Гения нового нам бы теперь нужно, чтобы он все это, единым словом объял! Заповедь новая нужна – для победной жизни. Но нет его у нас, такого гения, и взять негде, как вот обедневшей красавице негде взять нового платья. Ну, вот она и роется в сундуке с новыми платьями, пока не найдет на дне совсем давние и забытые. До того забытые, что кажутся новыми. Чем старее, тем новее. Вот только переделать немножко и совсем свежо будет. А ведь по правде-то сказать, как ни верти, оно все старое уж не в пору! Сами-то мы не то, что прежде!..” [7, с. 193]. В этом высказывании главного действующего лица сконцентрирована та двойственная позиция, на которую опирается вся критическая деятельность Л. Я. Гуревич. С одной стороны, она призывала современников вернуться к традициям классиков (статья “Воскресение Гоголя” (1909), “Художественные заветы Толстого” (1911), с другой, – стремилась поддерживать молодых литераторов, которые искали новые формы в прозе, поэзии, драматургии. Спустя год в статье “Приближение кризиса” Л. Я. Гуревич писала: “Все томится и ждет обновления. Но для этого должны прийти новые люди, народиться новые таланты. И возможно, что они уже возрастают где-нибудь в тиши, еще не пробившиеся на свет, не вышедшие в печать, в “литературу” [3, с. 104]. Именно для таких молодых талантов мечтали создать свой новый журнал “Смена” главные действующие лица пьесы.

В единственной пьесе Л. Я. Гуревич воссоздается атмосфера литературной жизни начала XX в. Центральные действующие лица во многом являются выразителями позиций автора. К сожалению, пьеса не пользовалась популярностью, поскольку касалась проблем, волновавших не широкую публику, а узкий круг литераторов, для которых вопросы обновления искусства были гораздо важнее событий действительности. Однако изучение пьесы “Смена” позволяет определить своеобразие литературных и эстетических позиций Л. Я. Гуревич, творчество которой, безусловно, повлияло на развитие эстетической мысли России начала XX вв.

Литература

1. Андрущенко Е. А. “Безнадежный плач о Боге...” / Е. А. Андрущенко // Дмитрий Мережковский. Драматургия / Вст. статья, сост., подг. текста и ком. Е. А. Андрущенко. – Томск : Водолей, 2000. – С. 16–17.
2. Гиппиус З. Н. Собрание сочинений в 15 тт. / Зинаида Николаевна Гиппиус [В. П. Шагалова, Т. А. Горькова]. – Т. 7. Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899 – 1916. – М. : Русская книга, 2003. – 528 с.
3. Гуревич Л. Я. Приближение кризиса / Л. Я. Гуревич // Литература и эстетика. Критические опыты и этюды. – М. : Русская мысль, 1912. – 321 с.

4. Маковский С. К. Вячеслав Иванов в России. Воспоминания о Серебряном веке / С. К. Маковский [Сост, авт. предисл. и коммент. В. Крейд]. – М. : Республика, 1993. – 559 с.
5. Толстая Е. Поэтика раздражения. Чехов в конце 1880-х – начале 1890-х годов / Е. Толстая. – М. : Радикс, 1994. – С. 254–271.
6. Фидлер Ф. Ф. Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей [Собрал Ф. Ф. Фидлер] / Ф. Ф. Фидлер. – М. : Типография т-ва И. Д. Сытина, 1911. – 268 с.

Источники иллюстративного материала

7. Гуревич Л. Я. Смена [Текст] / Л. Я. Гуревич // Русская мысль. – 1907. – Кн. III. – С. 137–198.